

В.Н. МАЛЫШЕВ

*Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии
Магистрант*

УДК 141

ПРОБЛЕМА КОРРЕЛЯЦИОНИЗМА И ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ПУТИ ЕЁ РЕШЕНИЯ В РАБОТАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СПЕКУЛЯТИВНОГО РЕАЛИЗМА

В статье рассматриваются положения представителей спекулятивного реализма, нового направления в философии. Приводятся подходы Квентина Мейясу и Грэма Хармана к решению проблемы корреляционизма, а также раскрывается суть самой проблемы корреляционизма в их интерпретации. Учитывая принципиальный отказ от антропоцентризма спекулятивных реалистов, сделана авторская попытка преодолеть его, создав текст, который не относился бы к текстам философий привилегированного доступа. Статья может представлять интерес для исследователей современной посткантианской философии и зоозащитников.

Ключевые слова: спекулятивный реализм, метафизика, корреляционизм, философии привилегированного доступа, антропоцентризм.

V.N. MALYSHEV

Master Student in Faculty of Philosophy,
Saint-Petersburg state University

THE PROBLEM OF CORRELATIONISM AND THE PROPOSED WAYS OF ITS SOLUTION IN THE WORKS OF REPRESENTATIVES OF SPECULATIVE REALISM

The article examines the position of representatives of speculative realism, a new direction in philosophy. The approaches of Quentin Meillassoux and Graham Harman to solving the problem of correlationism are presented, and the essence of the problem of correlationism in their interpretation is also revealed. Taking into account the fundamental rejection of the anthropocentrism of speculative realists, the author's attempt was made to overcome it by creating a text that would not belong to the texts of philosophies of privileged access. The article may be of interest to researchers of modern post-Kantian philosophy and animal rights activists.

Keywords: speculative realism, metaphysics, correlationism, philosophy of privileged access, anthropocentrism.

Спекулятивный реализм – достаточно новое направление в философии, основные представители которого заявили о себе в 2007 году. Проблема, с которой работают спекулятивные реалисты – это проблема корреляционизма. Квентин Мейясу, ключевая фигура направления, в своём *Magnum opus* «После конечности» (2006) определяет корреляционизм как «идею, согласно которой мы всегда имели доступ только к корреляции между мышлением и бытием, и один термин никогда не рассматривался в отрыве от другого». Вину за торжество корреляционизма Мейясу возлагает на Канта, который, по его словам, совершил разрыв в истории философии, «запретив» мыслить абсолютную вещь в себе [5; С. 82]. Утверждая, что мы не можем выйти за пределы корреляции мышлением, нас ловят в так называемый «корреляционный круг»: мы можем помыслить абсолют, – нет, не можем, мы же мыслим его, значит, он относителен, – и т.д. В противоположность такой позиции Мейясу вместе с Грэмом Харманом («Четверойский объект», 2015; «Сети и ассамбляжи», 2017) и другими последователями выдвигает утверждения, что а) человеческое сознание имеет доступ к непосредственной реальности, и б) «корреляционный круг» может и должен быть разорван. Чтобы «прорваться к реальности», необходимо, тем не менее, совершить определённые мыслительные спекуляции, они у авторов разные и будут рассмотрены ниже.

Заслуживает внимания также вытекающая из критики корреляционизма критика философий привилегированного доступа: вслед за Мейясу, Грэм Харман называет корреляционизм наследием Канта, который обозначил приоритет отношения человек-мир перед остальными. Кант не рассматривает возможность отношений между вещами-в-себе, в то время как спекулятивные реалисты объявляют: все отношения – отношения в равной мере. Квентин Мейясу «ставит человеческое существование в скобки», утверждая его случайность, а Харман отводит человеку место объекта, равного бесконечному числу других объектов мира – пугающий многих (мир спекулятивных реалистов описывают как «холодный, ледяной мир, который обойдётся и без нас») отказ от антропоцентризма оказывается необходимым для возможности мыслить реальность как таковую.

При написании статьи мы исходили из принципа, сформулированного на основе двух цитат, одна из которых приписывается Эрнесту Резерфорду: «Если ученый не может объяснить уборщице, которая убирается у него в лаборатории, смысл своей работы, то он сам не понимает, что он делает», а другая – цитата из книги Курта Воннегута «Колыбель для кошки»: «Если учёный не может объяснить восьмилетнему мальчику, чем он занимается, — он шарлатан».

Этот принцип звучит так: *если учёный (в нашем случае – философ) не может объяснить смысл своей работы воображаемой обезьяне или собаке, он сам не понимает, что делает.*

За «объяснение» тут будет считаться упрощение проблемы до уровня, понятного животному, по возможности без утраты её сути.

Ключевое качество реципиента в данном случае – другой биологический вид. Таким способом мы принуждены в объяснении избегать антропоцентризма, ссылок на общечеловеческий культурный опыт и того, что спекулятивные реалисты называют «философиями привилегированного доступа».

При этом приоритетной частью текста является не столько попытка упростить изложение мыслей, сколько решение вопроса о самой возможности такого хода (в соответствии с концепциями спекулятивных реалистов) через раскрытие проблемы и путей её решения, а главной задачей следования вышеизложенному принципу становится раскрытие сути проблемы корреляционизма для человека. Основными источниками стали уже названные выше работы Квентина Мейясу и Грэма Хармана, а также «Бытие и Время» Мартина Хайдеггера.

Спекулятивный реализм даёт свои варианты ответа на вопрос, что есть *абсолют* и что есть *объект, свободный от воздействия*.

Собака видит хрящ или кость, грызет её, но, по-видимому, может думать о кости и видеть её (во сне, допустим) как интенциональный объект (если исходить из посылки Брентано, что интенциональные объекты бывают в том числе несуществующими или абстрактными [2]).

Феноменология предлагает собаке пройти через переживание её собственного осознания кости таковой, какая она дана собаке. Спекулятивный реализм предлагает ей пойти дальше и взглянуть на кость как на нечто другое, нежели объект собачьего вожделения. При каком условии перед собакой встанет проблема корреляционизма? Иными словами, какие свойства/качества сознания необходимы, чтобы для собаки стало возможным озадачиться вопросом, какова кость, когда нет собаки? Напрашивающийся ответ – собака должна иметь представление о собственной смерти (и о собственном бытии); но это представление у животных не вполне наблюдается. Однако нас не остановит такой предрассудок относительно когнитивных способностей воображаемого собеседника. Вместо того чтобы сводить собачий мыслительный аппарат к человеческому, мы сведём человеческий к собачьему и попытаемся ответить, что значит для нас попытка мышления об абсолюте – о том, что скрыто от нашей мысли и от

всякой интенции. Но сперва определим, к какому способу бытия относится абсолют и доступны ли собаке вещи, бытийствующие данным способом.

Хайдеггер в интерпретации Хармана признаёт только 2 способа бытия: демонстрируемый в наличии («вещь природы») и скрытый в использовании («вещь употребления») [8; С. 46]. Скрыто в использовании всё привычное, подручное, употребляемое в дело инстинктивно, вроде пола под ногами, питьевой воды или – для собаки – кости. Абсолют никак не может быть «подручным», он явно принадлежит другой категории. Обратимся к «Бытию и времени» (раздел «Экзистенциальная аналитика», § 12) Хайдеггера, чтобы рассмотреть пристальнее другой способ бытийствования – демонстрируемый в наличности. А предстаёт ли вообще что-либо в наличности перед собакой?

Первичный модус отношения человека к миру, по Хайдеггеру – «подручность»; для нашей собаки он также первичен.

Второй, наличный, модус восприятия мира и его элементов, производный от первого (т.к. прежде чем констатировать наличность вещи, мы ею пользуемся): с помощью этого модуса мир «объективируется», мир и его элементы воспринимаются как объекты, изолированные и независимые. Это «модус озабочения».

Мы всё же представим себе озабоченную собаку, которая сидит перед костью, повесив уши, и осознаёт, что, как ни грызи, *кость как таковая* ей никогда не будет доступна. Что за нелепость! Если что и озаботит пса в лежащей перед ним кости, так это непривычный запах, незнакомая форма или прочие её подозрительные акциденции. «Озабочение – способ открытия подручного» [6] – пишет Хайдеггер (§ 26), и далее утверждает, что через озабочение скрытое в пользовании подручное открывается в качестве наличного в мире. «Как правило, мы замечаем средство только тогда, когда оно не справляется со своей задачей». Сломанный инструмент заботит нас – мы перестаём использовать его и стараемся *понять*, что и почему сломалось. Собака аналогичным образом старается *понять* подозрительную кость. Итак, как минимум нечто *непонятное* может предстать перед собакой **в наличности**, а для глаз наблюдателя это может быть манифестировано характерным «недоумённым» поднятием передней лапы и наклоном головы.

Причастив собаку к наличному способу бытия вещей, мы всего лишь следуем за Грэмом Харманом, который в книге «Четверякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера» обращает внимание, что уже Хайдеггер разделил объекты по *степени* их скрытости от восприятия. Сам же Харман, ссылаясь также на гуссерлевское разделение качеств объектов на чувственные и природные (реальные) предлагает собственную «четверяку»: реальные объекты с реальными (тут – достигающимися в рассудке)

качествами, реальные объекты с чувственными (достигающимися в опыте) качествами, чувственные объекты с реальными качествами и чувственные с чувственными [6]. Каждый объект предлагается рассматривать четверояко: как чувственный и как реальный, наделённые соответствующими качествами; благодаря корреляции реальный объект предстаёт для нас как чувственный, притом реальность его всегда нам недоступна. И подручное, и наличное (чувственное и реальное) объектов не открывается нам целиком, «бытие объекта скрыто от всех сущностей, вступающих в контакт с ним» (Харман) (здесь объектами, равными по своей природе и бесконечными, подобно телам Делёза, он предлагает считать вообще всё, в рамках собственной концепции Объектно-ориентированной онтологии). Объект никаким образом не может постичь бытие другого до конца: человек, «прикладываясь сознанием» к, допустим, яблоку; огонь, уничтожая хлопок (он не в состоянии даже соприкоснуться с хлопком как таковым); собака, разгрызая кость. Значит, делает вывод Харман, изытость объектов – «выражение извечной неадекватности всякого отношения вообще» [8; С. 52]. С этой фразой он, по-видимому, застывает, подобно собаке, с поднятой лапой: объект, абсолют, не понят, он по-прежнему вызывает озабоченность, он по-прежнему наличествует. Тогда, если первичный модус отношения к миру – «подручность», и раз мы замечаем подручное только тогда, когда оно не справляется со своей задачей, попробуем установить, что же было на месте абсолюта, вернее, чем был абсолют в качестве «скрытого в пользовании», незаметного инструмента, и с какой задачей он не справился.

С собакой понятно – хорошо знакомая ей кость, призванная утолить голод, вдруг оказывается иной (может быть, это пластиковый муляж?), и модус её восприятия меняется соответственно на наличный взамен подручному. Что за инструмент не справляется со своей задачей, находясь в пользовании человека? – видимо, это язык как инструмент познания (инструмент не в прагматическом, а в хайдеггеровском смысле). Язык, обыкновенно представленный «скрытым в пользовании бытием» [6], ловит человека «в плен вербальной реальности» [4]. Этот тезис не нов. Когда Л.Витгенштейн утверждает, что граница эмпирии – образование понятий, когда Хайдеггер призывает смертных «учиться проживать в языке» [7], когда Платон измышляет эйдосы как истинную суть вещей, они все на деле сталкиваются с бунтом языка; тот выходит из повиновения и посягает на большее, нежели быть всего лишь орудием. Абстрактное мышление порождает в нас желание схватить реальность как она есть, подобно тому, как мы схватываем абстракцию. Кажущаяся полная депривация философа в корреляционном тупике, доводящая до отчаяния, обусловлена вербализацией сознания; мышление сроднилось с языком, и забвению был предан

тот факт, что язык – всего лишь подручное. Законченность объекта в нашем сознании так хочется перенести на объект в реальности, но рефериент не поддаётся.

Проблему корреляционизма хорошо сформулировала Ханна Арендт: «Главная трудность видится в том, что для самого мышления — чей язык полностью метафоричен и чьи концептуальные рамки целиком зависят от дара метафоры, наводящей мост между видимым и невидимым, миром явлений и мыслящим эго — не существует метафоры, которая могла бы достоверно осветить эту особую деятельность ума, где нечто видимое в нас имеет дело с невидимым мира» [1; С. 83]. Получается, что попытка мыслить абсолют для человека — это ожидание от вещи, что она предстанет для нас метафорой вещи (метафорой, про которую забыто, что она — метафора). Упрощая, чувства человека в моменты осознанного попадания в корреляционный круг можно сравнить с желанием разбить экран телефона во время сеанса видеосвязи с далёким собеседником, чтобы обнять его: новая возможность (общаться на расстоянии) нам видится преградой. Только, в отличие от бесед по видео, альтернативы языку во взаимодействии со многими объектами у нас действительно нет.

Квентин Мейясу выделяет слабый и сильный корреляционизм: слабый корреляционист в рамках нашего сравнения скажет говорящему по видеосвязи, что человека на экране ему никогда не достичь, сильный корреляционист подобен тому, кто будет утверждать, что собеседник в принципе существует только на экране.

Кажется, мы уже подобрались довольно близко к тому, чтобы объяснить суть проблемы собаке.

Мейясу демонстрирует проблемность корреляционизма через «Доисторическую проблему»: какой смысл имеют научные высказывания о мире до человека, до корреляций, с точки зрения философа-корреляциониста? Их научность и истинность нивелируется, поскольку выходит, что они — всего лишь коррелят мышления учёного. Мы уже знаем, что по сути корреляционист обвиняет историка, археолога в том, что их инструментарий не стерилен, и на такие обвинения можно парировать как минимум двумя способами.

Решение проблемы корреляционизма

Грэм Харман предлагает парадоксальный вариант упразднения корреляции вместе с субъектом: есть лишь равно воздействующие друг на друга реально-чувственные объекты, которые в результате интенционального «замещающего слияния» могут переживать иллюзию восприятия. В результате такой спекуляции собака ест кость постольку, поскольку кость вьедается в собаку. Учёные, изучающие мир до человека, отвечают корре-

ляционисту примерно так: «А нет никакого инструментария. Мы взаимодействуем с доисторическими артефактами на равных». Критика подхода Хармана к решению проблемы корреляционизма на русском языке изложена, в частности, в статье Д.Кралечкина «О сургуче и капусте» [3; С. 293-318], подробно останавливаться на ней не будем.

Мейясу формулирует принцип фактуальности, который гласит: необходимо отсутствие достаточного основания. Необходимо знание о контингентности всего, а если всё может меняться и быть иным, то мы получаем возможность мыслить независимое от нас, не воздействуя на него. Изывая причинность из представления об абсолюте, мы одновременно лишаем его предполагаемых противоречий: где нет необходимых фактов, нет противоречия. Ответ учёных корреляционистам тут таков: «Вы исходите из неверных посылок, в то время как мы действуем».

Возвращаясь к собаке, которая ждёт объяснения сути проблемы корреляционизма, вспоминая интерпретацию Левинаса: познание – форма хватательного рефлекса, мы обращаемся к ней: смотри, это кость, ты можешь грызть её зубами, но однажды твои зубы сточатся и выпадут, тогда вкус кости станет для тебя недостижимым абсолютом. Но для твоих сородичей кость останется привычной пищей, а если тебе удастся убедить хоть одного из них, что и он не в состоянии грызть кости, то ты – первая в мире собака-корреляционист. Представлений не о собственном бытии, но об изменяемости собственного бытия, хватит для осознания проблемы.

Мысленный эксперимент с собакой, несмотря на его некоторую примитивность, тем не менее, как представляется, позволил прояснить некоторые социальные и институциональные аспекты деятельности представителей спекулятивного реализма, а также помог автору немного, насколько возможно, избежать антропоцентризма в своей работе. Обоснование проблемы корреляционизма, предложенное Грэмом Харманом и Квентином Мейясу, было подвергнуто экспериментальной редукции с целью наметить один из возможных путей развития философии, отличной от «философий привилегированного доступа». Затем были приведены предложенные основными авторами спекулятивного реализма решения проблемы корреляционизма. На основании изложенного материала можно прийти к заключению, что проблема корреляционизма не только имеет решения разной степени убедительности, но и своей артикуляцией поднимает многочисленные вопросы относительно будущего современной философии и науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арендт Х. Жизнь ума. — СПб.: Наука, 2013. — 517с.
2. Джакоб, Пьер. Интенциональность // Стэнфордская философская энциклопедия: переводы избранных статей / под ред. Д.Б. Волкова, В.В. Васильева, М.О. Кедровой. URL = <http://philosophy.ru/intentionality/> [Электронный ресурс, 20.20.20]
3. Кралечкин Д. О сургуче и капусте // Логос. 2014. № 4. С. 293–318.
4. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. 1990. URL: www.gumfak.ru/filos_html/mamard/kak_ya_ponim [Электронный ресурс, 20.20.20]
5. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности. — Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2016. — 196 с.
6. Хайдеггер Мартин Бытие и время. www.odinblago.ru. [Электронный ресурс, 20.20.20]
7. Хайдеггер М. О поэтах и поэзии: Гёльдерлин, Рильке, Тракт., 2017
8. Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда // Логос. 2017. № 3. — С. 1-34.
9. Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозов и О. Мышкин. — Пермь: Гиле Пресс, 2015. — 152 с.

REFERENCES

1. Arendt H. The life of the mind. - SPb.: Nauka, 2013. -- 517p.
2. Jacob, Pierre. Intentionality // Stanford Encyclopedia of Philosophy: Translations of Selected Articles / ed. D.B. Volkova, V.V. Vasilieva, M.O. Kedrova. URL = <http://philosophy.ru/intentionality/> [Electronic resource, 20.20.20]
3. Kralechkin D. About sealing wax and cabbage // Logos. 2014. No. 4. P. 293–318.
4. Mamardashvili M.K. As I understand philosophy. 1990. URL: www.gumfak.ru/filos_html/mamard/kak_ya_ponim [Electronic resource, 20.20.20]
5. Meillassoux K. After the limb: An essay on the need for contingency. - Ekaterinburg; M.: Cabinet scientist, 2016. -- 196 p.
6. Heidegger Martin Being and Time. www.odinblago.ru. [Electronic resource, 20.20.20]
7. Heidegger M. About poets and poetry: Hölderlin, Rilke, Traktl., 2017
8. Harman G. Seti and assemblages: the revival of things in Latour and DeLand // Logos. 2017. No. 3. - P. 1-34.
9. Harman G. Fourfold object: Metaphysics of things after Heidegger / per. from English. A. Morozov and O. Myshkin. - Perm: Gile Press, 2015. -- 152 p.